

Доктор филологических наук

И. Н. Розанов

ПУШКИН — ПЕВЕЦ СВОБОДЫ

Никто из русских поэтов не был в такой степени «певцом свободы», как Пушкин. Он был певцом независимости народов, врагом религиозных предрассудков, певцом свободы личности, свободы творчества, гениальным певцом политической свободы.

Лирика Пушкина чутко отражала общественные настроения; она была боевым оружием, которым вел борьбу с самодержавием Пушкин. Лирика его подвергалась преследованию со стороны самодержавия; широкое распространение вольнолюбивых стихов Пушкина в рукописных списках было причиной его ссылки.

История пушкиноведения еще не написана. А это прежде всего история постепенного публикования всего пушкинского литературного наследия и тем самым раскрытие борьбы величайшего русского поэта с царизмом. Это история длительной борьбы за подлинного Пушкина, не запрещенного, не урезанного, не изуродованного царской цензурой; это история борьбы за Пушкина — друга декабристов, врага самодержавия, выразителя народных чаяний, борца за грядущую революцию.

Среди современников у Пушкина были почитатели двух типов. Представителем первых из них можно считать поэта-паредворца Жуковского, представителем вторых — любого из декабристов.

Жуковский, признав себя побежденным своим учеником, писал ему: «Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею б л а г о п р и о б р е т е н н о ю славою: ибо умею уважать Позию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение)... познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый...»¹

¹ Письмо В. А. Жуковского к А. С. Пушкину 12 апреля (1826).— Переписка Пушкина, под ред. В. Сантова, т. I, 1906, стр. 340.

и концы светови каков
 Душа мана маж модоман
 брама афурат и з фотави
 Рука пред афурат каков
 Велик! и урвал каков
 Кавалетри викариват каков
 Кадр Бурмант удрат
 Коридор убротрон Грив
 (+)

АВТОГРАФ ПУШКИНА. ИЗ ОДЫ «ВОЛЬНОСТЬ» (С КАРИКАТУРОЙ НА ПАВЛА I).

Жуковский был представителем той дворянской монархической России, которая держалась за «благоприобретенное», у которой было прошлое, но не было будущего. Иначе воспринимали творчество Пушкина и его «буйные, одетые прелестью поэзии мысли», те передовые дворяне, взоры которых были устремлены вперед.

Из декабристов ближе всех к Пушкину был его сверстник и лицейский товарищ Пущин.

Вот что писал он в своих воспоминаниях о популярности Пушкина в начале 20-х годов: «Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! в Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов».¹

Огарев, который в эти годы был отроком, представителем «зреющего поколения» (он был на 14 лет моложе Пушкина), вспоминал впоследствии, в своем лондонском изгнании, о том же времени и тех же произведениях Пушкина, и прежде всего об оде «Вольность».

«На современников она произвела огромное влияние, так сильна была у читателей потребность в поэтическом отголоске своих стремлений и надежд... Мы лично были свидетелями этого влияния, оно доказывается и самой ссылкой Пушкина, которая по времени совпадает с первым распространением рукописи... Впечатление, произведенное одой, было не менее сильно, чем впечатление «Деревни», стихотворения, выстраданного из действительной жизни, ... и не менее «Послания к Чаадаеву», где так звучно сказалась юная вера в будущую свободу. Кто во время оно не знал этих стихотворений? Какой юноша, какой отрок не переписывал?»²

Здесь обращают внимание слова «во время оно». Это значит, до неудачи восстания 14 декабря, до разгрома декабристов. А потом начались жесточайшие репрессии. Рукописи с вольнодумными стихами повсюду уничтожались.

Цензурным запретам, сокращениям и искажениям произведения Пушкина подвергались с самого их возникновения.

Из певца свободы его делали поэтом-созерцателем. Слово «свобода» заменяли словом «природа».

У Пушкина было:

Свободу лишь учась славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить ...³

¹ И. И. Пущин. Записки о Пушкине, М., 1937, стр. 67.

² Н. П. Огарев. «Предисловие к сборнику „Русская потаенная литература“, Лондон 1861 г.». Стихотворения и поэмы, М., 1937, стр. 314—315.

³ А. С. Пушкин. «На лире скромной, благородной»..., Соч., т. I, стр. 333.

А в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» появился такой текст:

Природу лишь умея славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден людей забавить ...

То, что из лирики Пушкина было напечатано при его жизни, давало совершенно ложное представление о его политическом лице.

Недостаточное знакомство с рукописными произведениями Пушкина, невозможность свободно высказываться о них, а также усиленное старание прислужников самодержавия показать Пушкина раскаявшимся и образумившимся — все это создало еще при жизни поэта долго существовавшее и медленно потом изживаемое представление о нем, как о поэте «чистого искусства», поэте-созерцателе.

И после смерти Пушкина продолжалась борьба за Пушкина.

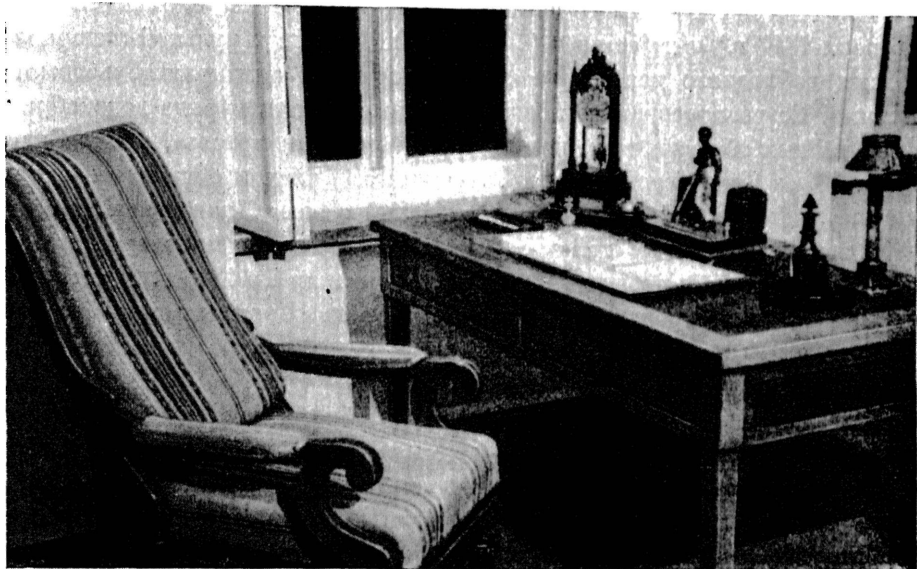
Нелегальное рукописное наследство Пушкина впервые стало публиковаться в нелегальной заграничной печати. Впервые раскрывать подлинного Пушкина, друга декабристов, начали продолжатели дела декабристов — Герцен и Огарев. Через 30 лет после «Полярной Звезды» Рылеева и Бестужева начали выходить в Лондоне сборники «Полярная Звезда» Герцена и Огарева, в которых были напечатаны революционные стихи Пушкина. Только в 1856 г., через 29 лет после того, как было написано «Послание в Сибирь», оно появилось в печати, а «Вольность» — через 37 лет после написания.

В 1861 г. вышла в Лондоне с большой вступительной статьей Огарева замечательная книга, быстро ставшая библиографической редкостью, — «Русская потаенная литература XIX столетия. Стихотворения», в которой, по возможности, собрано было все, что было в русской поэзии запрещенного или не предназначавшегося для печати в России, начиная с Державина и кончая Добролюбовым; сюда вошло до 80 стихотворений Пушкина.

В России борьба за опубликование нелегального Пушкина была трудной и упорной. В год первой революции, в 1905 г., т. е. через 88 лет после того, как была написана пушкинская ода «Вольность», она была напечатана в России целиком. В 1910 г. была расшифрована X глава «Онегина». И только после Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным печатание всего пушкинского наследства. Теперь советские пушкинисты, вооруженные марксистско-ленинской методологией, имея в своем распоряжении пушкинские рукописи, могут оценить по-настоящему значение Пушкина.

Лирика Пушкина делится на три периода: первый — до ссылки, второй — лирика поэта-изгнанника и третий — лирика Пушкина после подавления восстания декабристов.

Лицейские годы были прекрасной подготовкой для Пушкина — будущего певца политической свободы и друга декабристов. Уже с первых шагов лицейского творчества Пушкин обнаруживает жажду независи-

КВАРТИРА-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ЛЕНИНГРАДЕ. УГОЛОК КАБИНЕТА.
ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ, ЗА КОТОРЫМ РАБОТАЛ ПОЭТ.

мости. Судя по самым ранним из дошедших до нас стихотворений — посланиям «К Наталье» (1813) и «К сестре» (1814), в лицейской обстановке он чувствует себя, как в монастыре или как в тюрьме, и называет себя «монахом» и узником:

... гляжу на свет
Как узник из темницы...¹

Придирки цензуры коснулись и этих самых ранних произведений Пушкина. В печати они появились после смерти поэта в сильно сокращенном виде. Из ста строк в послании «К Наталье» цензура выбросила 34, т. е. треть. Она обвинила Пушкина в непочтительном отношении к религии.

К 1814 г. относится сказка «Бова», где Пушкин впервые проявляет особый интерес к Радищеву, сохраняя его потом в течение всей жизни.

Уже в лицее Пушкин обнаруживает гораздо большее понимание народности, чем поэты-декабристы. Два стихотворения пятнадцатилетнего поэта «Казак» и «Под вечер осенью ненастной» вошли в русский песенный фольклор. Ничего подобного не находим мы у его предшественников и современников.

В 1815 г. Пушкин создает свое первое политическое стихотворение «Лицинию» с многозначительной концовкой: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен!»²

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. I. К сестре, стр. 41.

² Там же. Лицинию, стр. 111.

Три года пребывания Пушкина в Петербурге, после окончания лицея (9 июня 1817 г.) и до ссылки (6 мая 1820 г.), были в русской литературе годами небывалого дотоле расцвета рукописной антиправительственной лирики. Ее распространение связано было с наличием ряда додекабристских тайных обществ, как, например, «Священная артель», «Союз Спасения», «Союз Благоденствия» и др. Пушкин был членом общества «Зеленая Лампа», которое было одним из ответвлений «Союза Благоденствия».

Основой программы тайных обществ была борьба против абсолютизма и борьба против крепостного права. Александр I в 1818 г. на открытии сейма в Варшаве произнес речь, в которой обещал конституцию. Это оживило надежды некоторых членов тайных обществ, другие отнеслись к царским обещаниям недоверчиво.

Эти три года Пушкин работал главным образом над созданием своего первого крупного произведения — поэмы «Руслан и Людмила», начатой им еще в лицее и оконченной за месяц до ссылки. Лирических стихотворений в это время он писал сравнительно мало и только шесть опубликовал. Но это время было периодом создания антиправительственной лирики. Самым крупным его лирическим произведением за эти годы была ода «Вольность» (96 строк), широко распространившаяся в рукописи. Особенно волновали такие строки:

Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певича?

или:

Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

или:

Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

В этой нелегальной оде, доставившей Пушкину широкую известность раньше, чем его напечатанная в 1820 г. поэма «Руслан и Людмила», Пушкин шел «вслед Радищеву». В политическом отношении «Вольность» Пушкина умереннее «Вольности» Радищева. В конце концов пушкинская «Вольность» только угроза дурным царям, «увенчанным злодеям». Царям рекомендуется не нарушать законов, не быть «самовластительными злодеями» и тогда все будет хорошо. Кончается ода обращением к царям:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.¹

Одновременно с «Вольностью» Пушкина ходило по рукам в Петербурге стихотворение Вяземского «Петербург» (1818). Когда Вяземский сочи-

¹ А. С. Пушкин. Вольность, Соч., т. I, стр. 314—317.

нил это стихотворение, он писал друзьям: «Такую взгромоздил штуку, что только держись. Так Сибирью на меня и несет!»,¹ т. е. допускал возможность ссылки за вольнодумство. В произведении Вяземского были строки о необходимости уничтожения цензуры, выражалась надежда на освобождение крестьян:

Нешастный раб земли, отвергнутый от братий,
В свободе примет мзду страдальческих занятий...
С чела орастая сотрется пот неволи ...»²

Через год после «Петербургга» Вяземского широкое распространение получила пушкинская «Деревня», где мысль о рабстве, которое должно пасть, выражена с такой силой, что «Петербург» Вяземского сразу потерял свою актуальность, должен был восприниматься как риторическое произведение. У Пушкина не изложение программы реформ, выраженной в стихах, как у Вяземского, а потрясающая картина положения крепостных:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.³

Широкой популярности «Деревни» способствовал простой и ясный язык стихотворения: у Пушкина немислимо было бы такое выражение, как «мзда страдальческих занятий». У него не «раб земли» и не «оратай», а просто «земледелец».

Откликом Пушкина на речь Александра, произнесенную в Варшаве, явилось иронически-шутливое стихотворение, где основная мысль выражена в заключительных словах: «...царь-отец рассказывает сказки».⁴

Самым лучшим из всех нелегальных стихов Пушкина, написанных им до ссылки, является бесспорно послание «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы»), где поэт прямо ставит себя в ряды участников разрушения «самовластья», т. е. самодержавия:

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!⁵

¹ Письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу.— Остафьевский архив, т. I, стр. 116.

² П. А. Вяземский. Петербург. Избр. стихотворения. Изд. «Academia», 1935, стр. 138.

³ А. С. Пушкин. Деревня. Соч., т. I, стр. 352.

⁴ Там же. «Ура! в Россию скачет...», стр. 335.

⁵ Там же. К Чаадаеву. Соч., т. I, стр. 338.

В этом стихотворении передано настроение не только Пушкина и Чаадаева, а всех, мечтавших о свержении самодержавия. Стихи, выражающие такие настроения, писал не только Пушкин. От Катенина, который был членом тайного «Военного Общества», дошла до нас одна революционная песня «Отечество наше страдает», в которой некоторые строки звучали как революционные лозунги («свергнем мы трон и царей!», «Лучше смерть, чем жить рабами»).¹ Песню эту пели потом ссыльные декабристы в Сибири.

Еще ближе к пушкинскому посланию было послание «К артельным друзьям», принадлежавшее малоизвестному поэту А. Мещевскому. Мещевский учился в Московском благородном пансионе, а потом по не известным нам причинам был отдан в солдаты и сослан в Сибирь.

В 1817 г. он жил в Оренбурге и оттуда прислал в Петербург свое «Послание к артельным друзьям», которое Воейков собирался напечатать, но оно не разрешено было цензурой. До нас оно дошло, так как приведено было министром народного просвещения адмиралом Шишковым в его доносе царю и снабжено его комментариями.

«Слово: артельные друзья, — писал в своем доносе Шишков, — показывает, что послание сие относится не ко всем читателям, но к какой-то артели, т. е. неизвестному или тайному обществу». ² Можно предполагать, что Мещевский принадлежал к тайному обществу «Священная артель», существование которой открыла М. В. Нечкина.

В приводимых Шишковым стихах Мещевского есть много общего с посланием Пушкина «К Чаадаеву»; это еще раз доказывает, что в политической своей лирике величайший русский поэт был «эхом русского народа». И в Петербурге у Чаадаева и в далеком Оренбурге у бедного ссыльного те же мысли, те же желания, но иначе выраженные: у Пушкина «души прекрасные порывы», у Мещевского — «возлюбленные желанья», «добра огонь священный», «мечта златая».

...Мечта златая ранних дней

Еще от нас далеко!

Еще в тумане скрыта цель

Возлюбленных желаний!

.

Но час пробьет! Услышим мы

Отечества призванье!

Тогда появится из тьмы

Душ пламенных желанье:

Сплетенные рука с рукой

На путь мы ступим жизни

И пылкой полетим душой

Ко частию отчизны ...³

¹ П. Катенин. Стихотворения. Б-ка поэта (малая серия). Сов. писатель, 1937. Цит. по вступит. статье В. Орлова, стр. 8.

² А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка, т. II, изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, Берлин, 1870, стр. 265 и сл.

³ А. Мещевский. Уединение. «Избранные сочинения из „Утренней Зари“». 1809, ч. 1, стр. 259—263.

«Не явно ли, — писал в своем доносе Шишков, — стихи сии заключают в себе воззвание к возмущению? Ибо, что может быть яснее сих слов: *друзья артельщики!* Может быть, не сказано: товарищи, дабы под словом артельщики разуместь вместе и солдат. Цель наших желаний скрыта еще в тумане. Какая цель? Для чего скрыта?.. Надежда их на единомышленников так велика, что они посылают печатать стихи, в которых смело пророчествуют: «но час пробьет, услышим мы отечества призванье»...

Шишков требовал усиления цензуры, но сам сомневался, сможет ли это остановить политическое движение, «широко разлившуюся реку», как он писал. А когда восстание декабристов произошло, он сравнивал себя с человеком, который хотел «ладонью своей руки остановить быстрое течение потока».¹

Послание Мещевского не имело сколько-нибудь заметного распространения. Судьба пушкинского послания была исключительно своеобразна. Первоначально в печати появилось только четыре строки с прибавлением пятой, не принадлежащей Пушкину; эта пятая строка написана Бестужевым-Рюминым и приписывается им грибоедовскому Чацкому.

Пушкинские строки появились в придуманной Бестужевым-Рюминым переписке действующих лиц комедии «Горе от ума», помещенной в его альманахе «Сириус» 1826 г. Чацкий выведен поклонником Пушкина. Он не называет Пушкина, но цитирует его переиначенные стихи, считает их «прекрасными».

Нетерпеливою душой

.
Я жду, с томленьем упованья,
Подруги, сердцу дорогой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.²

Получалось любовное стихотворение. У Пушкина же было: «Мы ждем с томленьем упованья минуты вольности святой...» Через тридцать лет в издании сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова послание Пушкина было напечатано в сильно сокращенном виде, без обозначения адресата, но с сохранением строчки Бестужева-Рюмина, выдаваемой за пушкинскую. Самыми опасными словами для цензуры были «обломки самовластья». С этими словами стихотворение появилось в России впервые в 1903 г. в издании под редакцией Ефремова, т. е. через 85 лет после того, как было написано.

Годы ссылки Пушкина (с мая 1820 по август 1826) были годами наибольшего сближения его с декабристами и знаменовали новый этап в его вольнолюбивой лирике. На произведениях этого периода не могли не отразиться два обстоятельства.

¹ А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка, т. II.

² «Сириус», альманах. 1826, стр. 31.

Во-первых, историческая обстановка этих лет. В 1820 г. было восстание Семеновского полка. Революционные настроения в России усилились. Начался подъем революционного движения в Испании, в Неаполе, в Греции. Это не могло не отразиться и в литературе. Осенью 1820 г. привлекло внимание русских читателей стихотворение Рылеева «К временщику», направленное против Аракчеева. В 1825 г. Рылеев помещает в альманахе «Полярная Звезда» самое сильное из своих революционных стихотворений «Исповедь Наливайки». Кюхельбекер в своих стихах выражает желание отдать жизнь за свободу Греции.

Во-вторых, в изгнании Пушкин на собственном опыте испытал отсутствие личной свободы, что не могло не усилить настроений протеста. В своих откликах на революционные события Пушкин показал себя еще более энергичным и решительным певцом политической свободы, чем был раньше. Наиболее ярко это выразилось в «Кинжале» и в послании к декабристу Василию Давыдову, которое заканчивается словами: «...мы счастьем насладимся, кровавой чаши причастимся...»¹ («кровавая чаша», т. е. «революция»). Он все время живет в ожидании революции:

Взыграйте, ветры, взойте воды,
Разружьте гибельный оплот —
Где ты, гроза — символ свободы?²

Певцом политической свободы показал себя Пушкин в годы ссылки во многих стихотворениях. Некоторые из них появились в печати с пропуском мест, наиболее острых в политическом отношении. Так было с одой «Наполеон», с элегией «К морю», с элегией «Андрей Шенье», первоначально имевшей заглавие «Андрей Шенье в темнице», ряды точек в печатных текстах заинтриговывали, многие читатели старались добыть полный рукописный текст. Сам Пушкин заявлял, что полный текст элегии «Андрей Шенье» разошелся в списках в большом количестве. С другими своими политическими стихами Пушкин и не пытался выступать в печати. Из всех стихотворений Пушкина-изгнанника (1820—1826) самым революционным является «Кинжал».

Декабрист И. Д. Якушкин в своих «...Записках» вспоминал: «...в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал... «Кинжала»... наизусть».³

Это стихотворение читал декабрист М. П. Бестужев-Рюмин на собрании Общества соединенных славян, когда оно присоединилось к Южному тайному обществу. В тысячах списков ходило стихотворение по России. Герцен впоследствии рассказывал в своих воспоминаниях «Былое и думы», как он мальчиком переписывал «Кинжал», «Оду на свободу» «Думы Рылее-

¹ А. С. Пушкин. В. Л. Давыдову. Соч., т. II, стр. 39.

² Там же. «Кто, волны, вас остановил...», стр. 147.

³ И. Д. Якушкин. Записки, М., 1925, стр. 51.

ва» в свою тетрадку: «я их переписывал тайком... (*а теперь печатаю явно!*)».¹ Герцен первым опубликовал «Кинжал» в издававшейся им «Полярной Звезде» в 1856 г. Так наглядно обозначалась преемственность русского революционного движения — от декабристов к Герцену.

И в легальной своей лирике Пушкин служил делу свободы. Таковы его стихотворения кишиневского периода «Птичка» и «Узник», ставшие хрестоматийными. Декабристски настроенные читатели могли вкладывать в эти стихи желательный им смысл. Даже пушкинская «Птичка» («В чужбине свято наблюдаю...»), во избежание опасных толкований, была снабжена при печатании таким пояснением от редактора: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных должников и пр.»²

Еще опаснее мог казаться «Узник», где был стих, звучавший как призыв к началу действий: «Мы вольные птицы; пора, брат, пора!»³ Написано это стихотворение в 1822 г., а опубликовано было только через 10 лет, в 1832 г. В 1822 г. Жуковский напечатал свою балладу «Узник» и перевод «Шильонского узника» Байрона. Герой баллады Жуковского не испытал радости, когда его выпустили из темницы, потому что умерла его возлюбленная и он мечтал только о том, чтобы скорее встретиться с ней в лучшем мире. Узник Байрона так привык к цепям, что, выходя из темницы, «он о тюрьме своей вздохнул». Такие романтические узники должны были казаться надуманными, нежизненными русский людям. Это была литература, далекая от русской жизни. А как раз в этом году в русской действительности произошло немаловажное событие: был посажен в тюрьму «первый русский декабрист» Владимир Раевский. Этот действительный, а не вымышленный узник написал стихотворение «К друзьям в Кишиневе», где предлагал Пушкину изобразить положение томящихся в темнице. Ответом на это послание и был пушкинский «Узник», нашедший живой отклик в русском фольклоре и вызвавший потом целый ряд стихотворений, вошедших в песенный фольклор («Не слышно шуму городского» Федора Глинки, «Ночь темна. Лови минуты» Огарева и др.).

Разгром декабристов произвел на Пушкина потрясающее впечатление.

Узнав, что царское правительство требует у Англии выдачи Николая Тургенева и что его будто бы везут морем в Петербург, Пушкин в ответ на стихотворение Вяземского, воспевавшее море, написал негодующее восьмистишие:

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славись лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

¹ А. И. Герцен. Былое и думы, гл. III, Гослитиздат, 1946, стр. 33.

² См. примеч. в т. II. Соч. Пушкина, стр. 419.

³ А. С. Пушкин. Узник. Соч., т. II, стр. 127.

Не славь его. В наш гнусный век
 Седой Нептун земли союзник.
 На всех стихиях человек—
 Тиран, предатель или узник.¹

За два года до этого море было для Пушкина олицетворением свободы («Прощай, свободная стихия!»), теперь же стало «душегубцем».

Это было первым откликом поэта на крушение декабристов. Затем последовали и другие. Пушкиным было написано три обращения к сосланным декабристам. В одном — «Бог помочь вам, друзья мои», — к декабристам относилась только одна, но знаменательная строчка: Пушкин упомянул и тех друзей, которые находятся «...в мрачных пропастях земли». ² Стихотворение это появилось в печати под заглавием «К товарищам молодости» («Славянин», 1830). В другом стихотворении, в послании к Пущину Пушкин старался ободрить своего «первого», своего «бесценного друга». ³ Третье — знаменитое революционное послание «В Сибирь» («Во глубине сибирских руд»), где выражена страстная мечта:

Оковы тяжкие падут,
 Темницы рухнут — и свобода
 Вас примет радостно у входа
 И братья меч вам отдадут⁴

Не царь помилует и простит, а «братья», т. е. единомышленники, вернут им меч для наступления на общего врага.

Ободряя друзей, пострадавших за участие в восстании, Пушкин в том же 1827 г. постарался осознать свою роль в движении декабристов.

Нас было много на челне;
 Иные парус натягали,
 Другие дружно упирали
 В глубь мощны весла. В тишине
 На руль склонясь, наш кормщик умный
 В молчаньи правил грузный чолн ...

Принимая во внимание сохранившийся восторженный отзыв Пушкина о Пестеле, надо думать, что под «умным кормщиком», который «в молчаньи правил грузный чолн», поэт подразумевал его.

О себе, как о певце декабризма, Пушкин говорил предельно кратко и выразительно:

А я — беспечной веры полн —
 Пловцам я пел ...

¹ А. С. Пушкин. К Вяземскому. Соч., т. II, стр. 333.

² А. С. Пушкин. 19 октября 1827 г. Соч., т. III, стр. 34.

³ А. С. Пушкин. И. И. Пущину. Соч., т. II, стр. 343.

⁴ А. С. Пушкин. Послание в Сибирь. Соч., т. III, стр. 7.

Далее о неудаче восстания и о своей верности «прежним гимнам»:

... Вдруг лоно волн
 Измял с налету вихорь шумный ...
 Погиб и кормщик и пловец! —
 Лишь я, таинственный певец,
 На берег выброшен грозою,
 Я гимны прежние пою
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнце под скалою.¹

«Зашифрованность» этого стихотворения Пушкина вводила в заблуждение даже некоторых пушкинистов. «„Арион“ Пушкина, — заявлял впоследствии Сумцов, — можно рассматривать без какого бы то ни было отношения к декабристам». Именно благодаря такой «зашифрованности» стихотворения Пушкину удалось напечатать его в 1830 г. в «Литературной газете», хотя и без подписи, но подписчики газеты легко могли догадаться, о ком тут идет речь.

Ценнейшим откликом Пушкина на декабрьское восстание должна была быть десятая глава «Евгения Онегина», до нас не дошедшая. По отрывкам ее мы видим, что Пушкин давал тут широкую картину всего освободительного движения в России, возникшего после победы над Наполеоном. Тут и резкая характеристика Александра I («Плешивый щеголь, враг труда») и изображение тайных обществ:

Читал свои Нозли Пушкин,
 Меланхолический Якушкин,
 Казалось, молча обнажал
 Цареубийственный кинжал.²

Конечно, нелепы предположения, что в десятой главе Пушкин выразил отрицательное отношение к движению декабристов. Этого никак не могло быть. Пушкин в последние годы жизни пытался двумя своими статьями пропагандировать Радищева, а в «Памятнике» заявил, что шел вслед за Радищевым или в другой редакции — в жестокий век «восславил свободу».

«Я гимны прежние пою», — заявил Пушкин в «Арионе» после разгрома декабристов. Однако так радикально изменилась обстановка, что петь попрежнему стало почти невозможно. Количество нелегальных рукописных стихотворений у Пушкина, естественно, уменьшилось. Лучшим из них является знаменитое послание «В Сибирь» («Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье»). Отправка его по назначению была для Пушкина исключительно рискованным шагом. Если бы оно было обнаружено при обыске кого-либо, Пушкину бы не сдобровать!

¹ А. С. Пушкин. Арион. Соч., т. III, стр. 15.

² А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. X. Соч., т. V, стр. 212.

Пришлось Пушкину или не договаривать своих мыслей, как это было в стихотворении «Кавказ», где Пушкин при печатании сам зачеркнул конец («Так буйную вольность законы теснят ...»), или прибегать к маскировке.

Одним из высших достижений его легальной гражданской поэзии являются «Пророк» (1826), где назначение поэта определяется словами: «Глаголом жги сердца людей»,¹ и «Анчар» (1828), где носители зла — «древо яда» и царь.

«Анчар», как известно, был напечатан с дозволения цензуры в «Северных цветах», но Бенкендорф сделал Пушкину выговор, зачем он не представил его предварительно царю. Характерно, что Николай нашел стихотворение неопасным, так как не относится к России, в которой «рабов нет». Тем не менее при перепечатке «Анчара» в III томе стихов Пушкина, в 1832 г. строка «А царь тем ядом напичал»² заменена была, по совету Жуковского, строкой: «А князь тем ядом напичал».

Оправдать Пушкину свое заявление, высказанное в «Арионе», «Я гимны прежние пою» стало делом невероятно трудным не только потому, что радикально изменилась обстановка, но и потому, что поэту необходимо было вдуматься в смысл неудачи декабрьского восстания.

С предельной четкостью сформулировал причину неудачи декабристов Ленин: «страшно далеки они от народа».³ Пушкин, конечно, не мог дать такого исчерпывающего объяснения, но вся последующая его литературная деятельность показывает, что он приближался к пониманию причин поражения восстания. В этом понимании ему помогал и Радищев, которого он знал больше, чем декабристы, считавший, что революция должна быть делом всего народа.

Три основных устремления находим мы в деятельности Пушкина последних десяти лет его жизни: повышение интереса к русской истории, повышение интереса к народности, еще большее стремление изображать современную действительность. Он задумывается над проблемой государственности, над взаимоотношениями самодержавца и народа. Четыре исторических лица привлекают его внимание. Петр I и три врага самодержавия — Степан Разин, Емельян Пугачев и Александр Радищев. Петром и Пугачевым он занимается легально как историк («История Пугачева», «История Петра») и как писатель-художник («Капитанская дочка», «Полтава», «Медный всадник»). Разиным и Радищевым он тоже хотел бы заниматься легально, но цензура не позволила. Сочувствие Пугачеву, любованье им выразил Пушкин в послании к Денису Давыдову 1836 г.: «в передовом твоём отряде урядник был бы он лихой!»⁴ Свои три песни

¹ А. С. Пушкин. Пророк. Соч., т. II, стр. 341.

² А. С. Пушкин. Анчар. Соч., т. III, стр. 81.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 18, стр. 14.

⁴ А. С. Пушкин. Д. В. Давыдову. Соч., т. III, стр. 367.

о Степане Разине Пушкину не удалось напечатать, но важно, что он первый обратил внимание на этого популярнейшего народного героя. Рылеев прошел мимо него.

Пушкин все более и более обращается к народу, его жизни, его творчеству. Нагляднее всего это отразилось на четырех частях «Стихотворений Александра Пушкина», первые две части которых вышли в 1829 г., третья в 1832, четвертая в 1835 г. Произведения расположены в хронологическом порядке, но в каждой части не все датированы.

Просмотр этих четырех книг должен привести всякого читателя к следующему выводу.

У Пушкина постепенно увеличивается интерес к народному творчеству: в первой части характерны в этом отношении стихотворения «Домовому», «Русалка» — 1819; во второй части он помещает две великолепные баллады, которые называет «простонародными песнями» — «Жених» (1825) и «Утопленник» (1828), в третьей части — «Бесы» (1830) и «Сказка о царе Салтане». А четвертая часть поражает тем, что почти целиком посвящена произведениям в духе народного творчества как русского, так и славянского вообще: три сказки (о мертвой царевне, о золотом петушке, о рыбаке и рыбке), песни западных славян, переводы польских баллад. В книге 26 произведений. Из них только три относятся к интимной лирике.

Третья и особенно четвертая части были, как известно, холодно приняты современной Пушкину критикой и читателями. Заговорили об угасании пушкинского гения; в действительности же было обратное: Пушкин в своем движении к реализму и народности обогнал свое время и своих читателей.

Скрывали от народа подлинного Пушкина не только его явные враги вроде Бенкендорфа, но и «благонамеренные» друзья. Таков был «добрейший» поэт Жуковский, который, желая помочь вдове поэта в ее денежных затруднениях, сам придумал предсмертные слова Пушкина о примирении его с царем. Он же изуродовал одно из великолепнейших стихотворений Пушкина — его «Памятник», заменив «александрійский» столп «наполеоновым», а стих «что в мой жестокий век восславил я свободу» — стихом «что прелестью живой стихов я был полезен». Такой обедненный Пушкин, без какого-либо намека на его свободолюбие и политическую борьбу, преподносился читателям в течение полувека, а в учебниках для гимназий даже дольше.

Только в советское время был восстановлен подлинный текст Пушкина на пьедестале его памятника.

Пророчества «Памятника» сбывались не сразу. В царской России они и не могли сбыться. «Народная тропа» к Пушкину не сразу была проторена.

В 1880 г., когда ставился рукотворный памятник Пушкину на Тверском бульваре, многие жаловались, что сочинения Пушкина из-за своей

дороговизны недоступны для небогатых людей. В юбилей 1887 г. появились дешевые издания, но и они были предназначены только для интеллигенции и городского населения.

Юбилей в 1899 г. был организован сравнительно широко, но по анкете «Сельского вестника» обнаружилось, что многие из деревенских жителей знали о Пушкине только понаслышке. Юбилей носил официальный характер. Революционное значение Пушкина всячески затушевывалось.

Только в советское время подлинный Пушкин стал доступен для всех, только теперь его читают «по всей Руси великой», все народы нашей многонациональной Родины.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951
